

УДК 882

ПОИСКИ ПОЭТИЧЕСКОЙ СТРАТЕГИИ В ЭПИСТОЛЯРНОМ НАСЛЕДИИ АЛЕКСЕЯ ПРАСОЛОВА

© Софья Коденцева

ALEXEY PRASOLOV'S EPISTOLARY HERITAGE: IN SEARCH OF POETIC STRATEGY

Sofya Kodentseva

Private letters of poets are not only the documents of value. They help us to learn facts from writers' private lives and give an opportunity to find out their literary tastes and favors. Prasolov was seriously interested both in classical and modern poetry. In his letters to Inna Rostovtseva, Prasolov expresses his opinion on several contemporary writers, such as A. Zhigulin, S. Podelkov, A. Vosnesensky, V. Lugovskoy, K. Paustovsky, N. Zabolotsky, V. Sosnora and many others.

Our purpose is to analyze Prasolov's letters and understand how he evaluates the poetry of his time and which classical writers he looks up to. We also explore his reasoning about the destiny of a poet and poetry, the similarities and differences between the classical writers and the contemporary poets.

Prasolov thoroughly, sometimes superficially, analyzed all new trends, poetry performances and declarations found in modern lyrical poetry. When analyzing a small, random poem, he would move on to a more large-scale evaluation of modern poetry trends and associations.

Prasolov's letters give us an idea of several years in his life, and the factors that shaped his creative personality. We learn about his focus of interests and the circle of his acquaintances, the history of his works and the facts of his biography which help us to better understand his poetry.

Keywords: Alexey Prasolov, private letters, poet and poetry, epistolary heritage.

В статье рассматриваются частные письма А. Прасолова, которые являются не только документом, свидетельствующим о личной жизни писателя, они дают возможность разобраться в литературных вкусах и пристрастиях самого автора. А. Прасолов интересовался как классической, так и современной поэзией и в своих письмах к Инне Ростовцевой высказывал мнение о многих писателях-современниках – А. Жигулине, С. Поделкове, А. Вознесенском, В. Луговском, К. Паустовском, Н. Заболоцком, В. Сосноре и др.

Изучение писем Прасолова дает возможность понять, как он оценивает современную ему поэзию и на каких писателей-классиков ориентируется, проследить за рассуждениями о предназначении поэта и поэзии, о сходстве и различии поэтов-классиков и поэтов-современников.

Все новые веяния, поэтические выступления и декларации в современной лирике подвергались А. Прасоловым глубокому анализу. Зачастую, анализируя какое-то небольшое стихотворение, случайно попавшее в руки, Прасолов переходит к более масштабной оценке современных ему поэтических течений, направлений, объединений.

Письма А. Прасолова дают представление о нескольких годах его жизни, о факторах формирования творческой личности, круге его интересов и знакомств, истории создания некоторых произведений, а также фактах его биографии, позволяющих нам глубже понять его лирику.

Ключевые слова: Алексей Прасолов, частные письма, поэт и поэзия, эпистолярное наследие.

Частные письма являются не только ценными документами, помогающими многое узнать о личной жизни писателя, но и дают возможность разобраться в его литературных вкусах и пристрастиях. А. Прасолов всерьез интересовался не только классической поэзией, но и поэзией современников. В своих письмах к Инне Ростовцевой А. Прасолов высказывает мнение о многих писателях – своих современниках, таких как А.

Жигулин, С. Поделков, А. Вознесенский, В. Луговской, К. Паустовский, Н. Заболоцкий, В. Соснора и др. [см.: Прасолов].

Чтобы оценить мнение А. Прасолова о других поэтах и писателях, необходимо понять, что для него есть поэзия. В данной статье мы пробуем, проанализировав письма Прасолова, понять, как он оценивает современную ему по-

эзию и на каких писателей-классиков ориентируется.

Большинство писем, вошедших в сборник «Я встретил ночь твою», были написаны поэтом в заключении.

Анализу, где-то глубокому, а где-то поверхностному, почти походя, лишь одним-двумя штрихами-замечаниями, но по-прасоловски бескомпромиссными, подвергались все новые вехи, поэтические выступления и декларации в современной лирике. Неизменно сопоставлял он их со своим творчеством. Так, он рассматривал стихи А. Жигулина в отношении их причастности к так называемым «трудовым стихам». Несмотря на внешнее сходство тематики, отмечал:

У него стих подчеркнута строгий, прерывистый, местами тяжеловатый. Ладно, ведь стихи о тяжелом. Образы не часты, с приглушенной окраской. Понятно: речь о суровых северных краях, о суровых людях. У меня образ почти в каждой строфе, тон не столь суровый и мрачный [Там же, с. 99].

Вместе с тем А. Прасолов чувствовал некоторую связь со своим знаменитым земляком, говоря о том, что стихи данной тематической группы кое в чем схожи, так как порождены сходной судьбой, жизнью. Однако если Жигулин на первый план выдвинул нечеловечески суровые условия труда, то Прасолов взял за основу внутренний мир рабочего.

Прасолов внимательно следил за творчеством земляка, замечая в первых поэтических опытах повторяемость ходов, однообразность приемов, эксплуатацию темы, движения не вглубь, авширь, недостаточность психологии и философии, относительную бедность мысли:

Жигулинские – те же. Первый «интересен» композиционно: я не стану говорить, что были вышки, охрана, собаки и т. д. и т. п. (короче, обо всем этом как раз и говорит), и если не скажу – мне не быть поэтом! Ну и ход, ну и логика, матушка! [Там же, с. 379].

В поисках своей поэтической стратегии Прасолов стремился к чистой мысли, стремился к философской поэзии, в отличие от сюжетной поэзии Жигулина, тонущей в деталях.

Сам поэт в своих записях все время проводил разделительную черту, постоянно подчеркивая несходство, разность их творческих целей, задач и главное – направления в поэзии:

Пусть сразу узнает, что я избрал свое направление, которое, как я сказал ему, в «страдательных» и прочих условиях не меняется. Мне мало видеть хлеб – мозоли, тяжесть труда, – мне нужен Мир, Век, Чело-

век. Человек – изнутри, а не одна его роба <...>. Планов, жигулинской прочности в мире нет и не будет, как и другого, что им, Жигулиным, делается на земле. Или ничего, или Мое [Там же, с. 286].

Немаловажным в формировании художника считал он среду, воспитывающую личность:

Мои ровесники ... уже определились четко – одни как талантливые, другие – как бездарность. Им легче. Они знали с детства мир определенный, и он определил их [Там же, с. 94].

У Прасолова такого мира не было. Он знал жизнь прежнюю, ведущую его от хлеба, от земли, «без тонкого мышления, страшно ... приземленную». Иную жизнь, более возвышенную, творческую, искал он, но не находил, так как не имел еще собственной манеры, собственного стиля, внутренней наполненности, однако неудовлетворенность литературной модой, внутреннее несоответствие подсознательно ощущались молодым поэтом. Вот как он пишет о первых своих творческих опытах в сравнении с воронежскими литераторами:

Пошлой показалась каждая строка стиха и прозы (а это было в 1950–1955 годах), пошлым било в душу все «литературное», увиденное мной в воронежском масштабе и хорошо – и верно, хотя и незрело – понятное в масштабе большом. Я напечатал 2–3 стихотворения в общепринятом вкусе – и исчез почти до 57-го года. Так, как Лутков, как Поляков, как Касаткин, Прессман и тогда еще необлитературенный Гордейчев, я писать не мог [Там же].

Одной из основных проблем современной поэзии Прасолов считал превосходство поэтической формы над чувством – сильным, с надрывом, с болью, обязательным для подлинной поэзии, и незрелость поэтической мысли в сочетании с формальным совершенствованием стиха:

Стихи Василия Кулемина... перечитал после – впечатление не изменилось. Я еще раз убедился в правоте своего давнего вывода: все поэтические находки, изощренность, цветистость (пусть даже удачная) – все к черту слетает, как осенние красоты, когда душа стоит на грани жизни и смерти, когда человек не говорит, а кричит. Я думаю: как бы заговорили Цыбины, Встречные-Поперечные, Боковы, Вознесенские, когда бы душу им овевало невыносимое горе, сурово потребовавшее слова, крика. Все эти нагромождения образов, косноязычие, стеклянно-железное смешение фраз – полетели бы к черту, стильно-расслабленные рифмочки, пляшущие размерчики показались бы неискупимым кощунством перед гневно дышащей подлинной Поэзией [Там же, с. 128].

Зачастую, анализируя какое-то небольшое стихотворение, случайно попавшее в руки, Прасолов переходит к более масштабной оценке современных ему поэтических течений, направлений, объединений:

Недавно видел в «Коммуне» стих Пашнева – «Историк». Суть: ты сидишь над историей и знаешь все на свете от Ветхого Завета до сонника. А на свете сегодня дождь. Я пришел к тебе. Что там насчет нынешнего вечера в истории известно? Я стою, и моя тень комкает мокрую кепку. Все. Внешне мило – на историческом фоне лирически-мокрые калоши. Стих сделан рукой, способной на тонкую работу. Но почему рука, владеющая стихом, не замахивается на большее? Это не у одного Пашнева. Кажется, в мастерской Литинститута кто-то незримый одинаково настраивает все принесенные туда миры; у всех одинаковая гамма, звукоряд – ни на одну ноту больше. Может, мне лишь так кажется? [Там же, с. 136].

Сборник С. Поделкова «Говорящие деревья» вызвал противоречивые отклики Прасолова. С одной стороны, поэту понравилась многогранность стихов Поделкова, он сравнивает его с ценным им Луговским:

Рука у него довольно крепкая. Местами, особенно если говорит о женщине, чувствуется нечто от Луговского... «твое древнее имя» и т. п. С другой стороны, произведения во многом портит прямолинейность выводов, зачастую подобно морали в басне.

Я на земле стоял...
 Над зверем в этот миг возвысись.
 .....
 Я бросил в бой природу на природу
 Существованью своему в угоду.
 .....
 И ядом смерти поражаю смерть [Там же, с. 208].

Стихотворения полны четких формулировок и выводов, которые, по мнению Прасолова, больше бы подошли научному трактату. Сам Прасолов предпочитает дать читателю пищу для размышлений, заставить подумать, читая стихотворение. Быть может, читатель найдет новые смыслы в его поэзии, отыщет новые прочтения, испытает новые чувства.

Рассуждая о сборнике Поделкова, который случайно попал в руки, поэт отмечает:

Столько разной макулатуры пропустил через руки, ведь этот человек жил в те годы, писал, мыслил по-своему, выражал это лучше всяких популярных – и вот только узнаешь о нем. Он не что-то потрясающее, а просто человеческий, искренний, имеющий то, что определяет человека, поэтом родившегося. Пусть небольшим, но самостоятельным [Там же, с. 212].

Одной из популярных тенденций современного стиха Прасолов считал резкое обращение от ура-патриотической гладкописи к поверхностному подражанию стихосложению начала XX века, в частности к манере молодого Маяковского, Каменского, Хлебникова и других:

Схватывают пенку новизны и не вынашивают строку, а носятся с нею [Там же, с. 77].

В сложные для себя годы А. Прасолов понемногу открывал А. Вознесенского. С самых первых прочитанных строк Прасолов уловил особенности формы и содержания стиха Вознесенского:

У этого воспаленного человека, яростного холерика, все – как камнепад, как обвал, просвеченный солнцем лавин, – все страшно шумно, режуще ярко. И когда читаешь, основное, ради чего этот обвал гремит по пути, лишь улавливаешь. Это хорошо в меру. Если читаешь много – устаешь от блесков. Думаю, что эта речка пока падает с горы, а дальше она выровняется, наполнится внешне спокойной силой. А эта сила – в мысли [Там же, с. 128].

При этом Прасолов не видел еще в этих стихах той исключительной наполненности мысли чувством, столь необходимой при такой форме выражения.

Соотношение мысли и чувства в поэзии А. Прасолов считал одним из основных критериев художественности:

Обидно будет, если стихия таких, как Вознесенский, – шум, сенсация в поэзии. Почему не тратят столько таланта для самой мысли, для подлинного выражения чувства? Думаю, потому, что форма идет от искусственности, ее можно придумать, а мысль и чувство, недоступные другим, не придумаешь, когда их в подлиннике нет. Когда они есть, форма крепка ими, но в хрупкую форму никак не увековечишь безмыслие [Там же].

К Вознесенскому Прасолов возвращается вновь и вновь в своих письмах, вновь и вновь читает и перечитывает его, открывает для себя новые грани таланта:

Мне у него нравится высокая культура, легкость переходов, короче говоря, его умение, оформляющееся в мастерство. Свежее мастерство. Ненавижу тупые стихи, проклятые подступы к главному. Решительность, смелость, емкость – вот что нужно. Я больше чем кого другого «язвил» в письмах Вознесенского. И лишь потому, что он мне больше и больше нравился [Там же, с. 333].

Однако Прасолов не собирался подражать Вознесенскому, идти его творческой «дорогой» ни в плане поэтических образов, ни в плане новизны форм выражения. У Вознесенского своя индивидуальная «сфера поэзии», у Прасолова иная. Между тем поэта привлекает «хватка» Вознесенского:

Мне нужна эта хватка – схватить – и показать. Взять – и высечь, вычеканить. Короче, я кую свою форму, приглядываясь к свежим формам других [Там же].

Между тем Прасолов неизменно выделял Вознесенского среди современников:

После «бани» один Вознесенский дал сильное. Рождественский и Евтушенко – до сих пор выюноши, но не мужи, хоть и тужатся крикнуть в ХХХ век [Там же, с. 332].

Высоко ценя литературное дарование некоторых поэтов, Прасолов вместе с тем «поэтизировал» сам образ поэта, возводя его на некий метафизический пьедестал. Так, он писал И. Ростовцевой, узнав, что та побывала у Луговской, вдовы одного из высоко ценимых им поэтов:

Ты была у Луговской... Как буднично сказано!.. Ты была в доме, где дух Поэта, его мир, вернее, оставшаяся оболочка его мира. Я далеко не наивен в романтике, но в дом истинного Поэта зашел бы с холodem замиранья в сердце [Там же, с. 162].

В одном из первых писем А. Прасолов четко определил свое творческое кредо, в дальнейшем развивая эту мысль:

Быть поэтом в высоком смысле – быть свободным внутренне. Так, чтобы сердце было на ветру, жить сердцем наружу. И эта свобода (только не свобода менестреля) еще прочней, когда рядом такая же душа [Там же, с. 54].

Это роднит его со многими истинными поэтами, знакомство с которыми или постижение

их заново происходило не только в годы заключения, но и на протяжении всей жизни.

Анализируя, критически подходя к произведениям современных авторов, А. Прасолов не щадит и себя, замечая многие не сильные места в своих новых произведениях, которые неизменно появлялись в заключении:

Я только наметился, заговорив о своем внутреннем – шероховато, сбивчиво, но именно о том, о чем надо было всегда говорить [Там же, с. 212].

Письма А. Прасолова дают представление о нескольких годах его жизни, о факторах формирования творческой личности, круге его интересов и знакомств, истории создания некоторых произведений, а также фактах его биографии, позволяющих нам глубже понять его лирику. В письмах критические очерки и аналитические разборы тонко сочетаются с глубоко личными переживаниями и фактами биографии. Годы заключения стали для Прасолова временем формирования мировоззрения и поэтического кредо, которому он будет следовать в дальнейшем. Впитывая лучшие черты классиков и современных ему поэтов, анализируя соотношение формы и содержания, мысли и чувства в поэтических произведениях разных эпох и разных авторов, А. Прасолов постепенно формировал свой неповторимый, индивидуальный, узнаваемый читателями поэтический стиль. «Предельную точность, высокое, чистое дыхание» – вот что искал А. Прасолов у каждого настоящего поэта, к чему стремился сам в каждом своем стихотворении.

Список литературы

Прасолов А. Т. Я встретил ночь твою: роман в письмах / Сост., предисловие и примечания И. И. Ростовцевой. М.: Издательский дом «Хроникер», 2003. 591 с.

References

Prasolov, A. (2003). *Ja vstretil noch tvou: roman v pismah* [I Met Your Night: A Novel in Letters]. 591p. Moscow, "Hroniker". (In Russian)

The article was submitted on 06.07.2016

Поступила в редакцию 06.07.2016

Коденцева Софья Сергеевна,
аспирант,
Воронежский государственный университет,
394018, Россия, Воронеж,
Университетская пл., 1.
sofya.kodentseva@mail.ru

Kodentseva Sofya Sergeevna,
graduate student,
Voronezh State University,
1 Universitetsaya Sq.,
Voronezh, 394018, Russian Federation.
sofya.kodentseva@mail.ru